

СВОЕОБРАЗИЕ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ

Глубокие перемены, происходящие в последние полтора десятка лет в российском обществе, требовали от представителей научной мысли разработки и обоснования новых концептуальных подходов к изучению прошлого, переосмысления многих страниц истории страны. Сегодня не подлежит сомнению, что история Русского Зарубежья является неотъемлемой частью как истории России, так и всемирной истории. За чертой произошедших событий в 1917 году остался целый мир. «Одна и та же Россия, по составу своему, как на родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и другие служилые люди, люди торговые, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях её деятельности — политической, культурной, научной, технической и т. д., — армия (от высших до низших чинов), народ трудовой (от станка и от земли), — представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений — в русской эмиграции налицо», — отмечала З.Н. Гиппиус в 1930 году [1, с. 11].

Большое значение, особенно в последнее время, начинает обретать процесс возвращения и объединения в единое целое двух, временно оторванных друг от друга, ветвей российской культуры. Открытие послереволюционной эмиграции стало, без преувеличения, событием большого историко-культурного масштаба. Крупный деятель «первой волны» архиепископ Иоанн Сан-Францисский уподобил русскую эмиграцию «большому кораблю», который, покинув родную гавань, зажил «своеобразно своему полной жизнью, ощущая, впрочем, что он лишь часть целого, лишь корабль своей Родины, а не её гавань. ...Связь корабля с гаванью была только в том, что он к ней формально оставался приписан, — она была в большем: корабль был частью Родины в водах мира» [2, с. 49].

Процесс формирования Советской и зарубежной России происходил в 20—30-е годы XX века. Обе образовывались согласно заданной проекции: все течения жизни Советской России проходили под тотальным влиянием марксистско-ленинской, а позднее сталинской идеологии. Для Зарубежной России, характерной чертой являлась многомерность в политических, социальных, экономических, культурных, философских, религиозных, эстетических и других отношениях. Много зависело от степени приобщения к новым жизненным условиям.

Уже не было той дореволюционной России, которую эмигранты знали, и которая являлась формой политической защиты своих граждан на территории

любого государства. Они являлись апатридами — изгоями из своей страны. Измученные событиями первой мировой, трагедией гражданской войны, чувствуя свою невостребованность и даже ненужность, боясь преследований и расправы, они покидали Родину, увозя в душе частицу её образа. Именно чувство единения с Родиной, причастности к ее трагическому и великому прошлому давало эмигрантам силы для творчества в условиях изгнания: «Не просто мы бесприютные. Кое-что за плечами и есть ... история, величие Родины — этого не отнять у нас» [3, с. 378].

Русские эмигранты твердо верили, что их главная задача в изгнании — сохранить, развить и приумножить русскую культуру.

Профессор М. Раев, исследователь русского Зарубежья, заметил по этому поводу: «Эмиграция переставала быть лишь способом физического выживания, она приобретала характер духовной миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжить творческую жизнь ради духовного прогресса родины... они хотели жить, работать и творить как неотъемлемая часть России, посланцами которой они себя считали... Из двух Россией, возникших вследствие политических событий, именно Россия за рубежом, которая проявила твердую решимость и недюжинную доблесть, продолжая быть Россией, оказалась более «подлинной» и более продуктивной в культурном отношении... эмигранты воспринимали себя как представителей единого общества, а Русское Зарубежье — как свою страну. Они стремились жить так, словно эмиграция в культурном и философском плане олицетворяла собой всю Россию» [4, с. 14—16].

Особенностью эмиграции после 1917 года являлась ее массовость, стремление к сохранению национальной и культурной идентификации. Культурная элитарность являлась доминантной в эмигрантской среде первой волны, где почти все имели начальное образование, приблизительно 2/3 — среднее, каждый седьмой — университетское. Согласно данным анкетирования в 1931 году в эмиграции находилось около 500 ученых, в том числе около 150 профессоров [5, с. 411].

Именно культурная элитность основной части эмигрантов первой волны, этот «культурный слой почвы» — врачи, учителя, адвокаты, инженеры, служилое офицерство, чиновники, священники, представители науки и искусства, образованная молодежь — студенты, юнкера, кадеты, гимназисты — позволяет определить феномен русской культурной

диаспоры. Образовавшаяся в ходе эмиграционных потоков 1917—1925 годов, она определила возникновение «двух русских культур» из одного культурного исторического ядра, которые соревнуются и конфликтуют друг с другом, но, в то же время являются единым целым. Явление уникальное и неординарное в мировой культуре.

Являясь составной частью единой русской культуры Серебряного века, культура русского зарубежья вобрала в себя все те черты, противоречия и поиск идеалов, которые характерны были для культуры начала XX века. Непримируемое творческое противоречие между ориентацией на демократические ценности с одной стороны, и элитарность, духовный аристократизм и индивидуализм с другой. Верность традициям, ассоциированным в сознании интеллигенции с национальной самобытностью и стремление к радикальным преобразованиям, к резкой модернизации общества и обновлению духовных ценностей. Данные противоречия культуры Серебряного века определили в среде культурной части эмиграции, собственно и относящейся к деятелям культуры данной эпохи, углубление дихотомии в восприятии России, разочарование в растоптанных романтических идеалах, в поиске путей реанимирования исторической родины, осознание революции как творческого итога модерна. Как следствие, в условиях изгнания происходит возвращение к консерватизму, отходу от новых форм и методов экспериментирования в культуре. И, в то же время, особенно в среде «молодого поколения», ставится вопрос о концептуализации «пространства изгнания», как возможной культурной креативности.

Подобная аберрация характерна для разных политических, культурных, философских и других течений в эмиграции. Но, для восстановления «единой и неделимой» России, необходимо было адаптироваться в новой инокультурной среде.

П.Б. Струве отмечал, что «Русское Зарубежье, есть явление количественно и качественно весьма внушительное. Зарубежье, есть великий и беспримерный исход, вытекший из величайшего исторического катаклизма, не приведшего еще ни к какому, хотя бы относительно временному равновесию» [6].

В ежегодно проводимый день «Русской культуры» газета «Второе поколение» писала: «Нет двух русских культур — здесь и там, а есть единая русская культура, созданная и создаваемая русскими людьми, где бы они не находились. Русская культура для нас не только предмет юбилейных воспоминаний и традиций: она есть прежде всего живая творимая реальность. Наш долг — поскольку мы считаем себя людьми русской культуры — эту реальность изучать, за ней следить и с нею, пользуясь обстановкой полной возможности для культурной работы, творить, чтобы не обратиться в «живой архив русской эмиграции» [7].

Именно через исторически сложившееся русское восприятие культуры, основываясь на её религиозном христианском ядре, в котором аккумулировалась идея всеединства как тождества добра, истины и красоты, можно было, по мнению эмигрантов, определить: что потеряла родина в результате вынужденного исхода части российского народа. В этом можно сослаться на Питирима Сорокина, отражающего свой взгляд на понятие культура: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которой пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, главную, ценность. Доминирующие черты изящных искусств и науки такой единой культуры, её философии и религии, этики и права, её основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части её нравов и обычаев, её образа жизни и мышления (менталитета) — все они по-своему выражают её основополагающий принцип, её главную ценность. Именно она, эта ценность, служит основой и фундаментом всякой культуры» [8, с. 429].

Духовное единство явилось тем цементирующим культурным ядром российской эмиграции в годы пребывания за рубежом, которое характеризовалось особенностями российского сознания в условиях критической ситуации. Если не телесно, то словом, многие русские эмигранты думали возвратиться на Родину. Вот почему больше всего именно в литературе, как выразительнице мысли и души, эмиграция нашла самое полное свое выражение. «Конечно, литературные произведения легче всего распространять и «экспортировать», а язык — главная черта, определяющая единство нации» [4, с. 124].

Адаптируясь к условиям изгнания, в рамках западной цивилизации, представители русской культурной диаспоры произвели переоценку ценностей русской культуры конца XIX — начала XX веков в плане собственного духовного самоопределения, как бы со стороны увидев Россию. Именно в эмиграции усиливается стремление обрести утраченное единство и цельность самосознания, что изначально приводит эмигрантов к осознанию причин кризиса, как русской, так и европейской культуры.

Вячеслав Иванов глубоко верил, что, находясь в эмиграции, широко общаясь с западными интеллектуалами, русская культурная диаспора может больше принести пользы для вселенской и русской культуры, чем «уподобляться евреям, плачущим на развалинах старого Храма». Он считал, что русская культура в зарубежье призвана к новым свершениям, к новому созиданию. «Как есть одна истина, одна красота, так и культура в существенном и последнем смысле слова есть выражение вселенского единства и вселенского единения». Он не входил в культурную среду Парижа, считая её искусственной, у него

не было ностальгии по внешней, фольклорной России. Он чувствовал Россию глубже, через служение ей посредством служения всему человечеству [9].

Русские эмигранты явились не просто носителями русской культуры, а патриотами русской культуры. Уход в эмиграцию являл собою возможность сохранения русской культуры «в себе» и «через себя». Находясь в эмиграции, они видели свою миссию в том, чтобы продолжить и, по возможности, сохранить основы русской культуры через собственную культурную идентификацию, в собирании и воплощении образа России [10, с. 22, 24].

Вопрос о культурной идентификации, а следовательно, о единстве русского зарубежья становился достаточно острым в связи с увеличением численности эмигрантов в странах Европы, и угрозы полного подчинения зарубежных россиян законам тех стран, где они проживали.

Как прямое следствие этого в 1920-е годы вырисовывается понятие «денационализация», как писали в те годы журналисты, когда хотели представить утрату эмигрантами национальной самобытности, различая данный термин с понятием «ассимиляция» и, нередко, путая их смысловое значение.

П.Е. Ковалевский формулирует различие так: «Первая есть вхождение в новую нацию, принятие ее строя и лояльное отношение к стране, гражданами которой становятся прибывшие; вторая стремится к утере новыми гражданами своего национального облика, превращению людей, похожих на местное население («симилис» — подобный, похожий), так как никогда пришельцы из другой страны, как бы они ни стремились быть подобными местным жителям, не будут признаны таковыми коренным населением. Русские, принявшие даже подданство и прожившие в стране десятки лет, оставались для местного населения чужими или, в лучшем случае, русскими, а чаще только «грязными иностранцами (саль этранже)» [11, с. 36]. Единство же «России вне России» — реальная возможность для россиян вне родины, если не установить политическое влияние на родине, то быть полезным ей в каком-либо другом отношении.

В результате, для сохранения своеобразия русской культурной жизни в эмиграции активизируется идея к организационному, институциональному оформлению этой жизни (это — один из главных признаков диаспоры). Такими социальными институтами русских диаспор за рубежом являлись школа, церковь, профессиональные, политические и общественные объединения: Русское общество Красного Креста и Всероссийский земский союз, созданные еще в 1919—1920 годах в Константинополе; Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей — «Земгор», созданный в Париже в феврале 1921 году, действовавший в Чехословакии, Германии, Болгарии, Польше, Греции, Юго-

славии, а несколько позже в Китае и другие объединения эмигрантов. Эти общественные центры давали возможность своеобразного заработка, материального обеспечения творческой интеллигенции, и, что самое главное, обеспечивали приложение творческих сил эмигрантов в развитии культуры, возможности её воспроизводства в условиях изгнания путем получения молодежью образования и воспитания на основе традиций русской культуры и её конструктивного участия в свободной от тоталитаризма возрождающейся России.

Русская культура, в силу исторических условий, не развивалась в отрыве от общеевропейской, не являлась узконациональной культурой и для русской творческой интеллигенции западная культура воспринималась даже намного шире, в различных спектрах её развития, чем на самом Западе. В то время, когда в Лувре сомневались в возможности выставить П. Сезанна, В. Ван Гога, выставки П. Пикассо, А. Матисса в Москве проходили с аншлагом. В России печатали полное собрание Ф. Ницше, когда профессора в Париже думали о целесообразности преподавания Г. Гегеля. Да и театральная жизнь России, с её классицизмом и авангардизмом была более многообразна, чем на Западе. Правда необходимо констатировать, что инокультурный контекст высвечивает своеобразие, выявляет инновативное содержание тех или иных феноменов в отечественной культуре, её полнота определяется лишь в отрыве от родины. Именно не в России, а на Западе произошло признание В.В. Кандинского, А.Н. Скрябина, И.Ф. Стравинского, русского балета под руководством С.П. Дягилева, В.Ф. Нижинского, А.П. Павловой и т. д.

В результате, у представителей русской культурной диаспоры не было ярко выраженного комплекса неполноценности в ходе вынужденной эмиграции, они являлись носителями, как русской, так и европейской культур. Они выезжали из одной высококультурной страны в другие высококультурные страны. Но, если, «русская культура явилась «чистой» культурой без примеси «цивилизации» [12, с. 297], то европейская уже в XIX веке стала отходить от «меры человеческого в человеке», чем собственно, и характеризуется культура, как способ восстановления целостности. Это давало возможность еще Н.В. Гоголю отметить, что «Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой больше не продают на европейском рынке» [13, с. 342]. И русские интеллектуалы стремились привнести свое видение духовной идейности в западное цивилизационное общество.

Такие интеллектуалы, как Н.А. Бердяев и В.В. Вейдле, были приняты на Западе как переводчики смысла русской культуры в категориях европейского мышления, так как мыслили вполне по-европейски. Их оценочные взгляды на сущность мира явлений были подвижны.

«Н.А. Бердяев неоднократно повторял, что эмиграция не изгнание, а посланничество, а точнее, изгнание для посланничества. Это были слова, которые замечательный московский старец о. Алексей Мечев на Маросейке сказал изгнанному из России свободному философу. Бердяеву ужасно не хотелось уезжать, а о. Алексей ему сказал: «Езжайте смело. Вы посланы, чтобы Запад услышал ваше слово» [14, с. 299].

В результате происходит пересмотр прежде значимых ценностей в контексте динамичной европейской модели мышления, предполагающей не трансляцию изначальной идеи и не взаимную обратимость разных начал, но их столкновение, сопровождающееся взрывом и заменой структур.

Зная культуру Запада, как её ценители и проводники в России, после отечественной трагедии и эмиграции они узнавали Запад изнутри, как лица, не имеющие за собой ни политической, ни материальной защиты. У них оставалось только слово, дух, и общепонимаемые идеи соборности и коллективизма. Они считали, что если сами — телесно, они и не вернуться в Россию, то их слово обязательно возвратится на родину и миссия русской культурной диаспоры заключается «<...> в её служении <...>. «Эмиграция»? Это ведь одна сотая русского народа. Но она свободна — и будучи свободна, она для русского народа и во имя русского народа <...> может и должна продолжать его духовную традицию, то есть помогать её сохранению и продолжению» [15, с. 215].

Создававшаяся как культура отрицания революции и революционного насилия, сохраняющая основы национального своеобразного восприятия жизни, сущности православного мировоззрения, основанного на идее соборности, культура русского зарубежья сохранила в себе традиции русской классической культуры XIX и Серебряного веков. Это помогало эмигрантам сосредоточить свое внимание на освоение принципов и ценностей культурного западноевропейского плюрализма и становление плюралистической, стихийно само развивающейся, многомерной в социальном, политическом, философском, религиозном и других отношениях русской культуры за рубежом. Поэтому, находясь в вынужденном изгнании, интеллигенция принялась, прежде всего, обустривать культурную жизнь своих соотечественников, воссоздавать культурную среду их обитания: организовывать работу театров, художественных студий, музеев, библиотек. Налаживать школьную жизнь для детей и молодежи, создавать вечерние общеобразовательные, специальные и культурно-просветительные учреждения для взрослых. Находясь в эмиграции, интеллигенция «упорно трудилась во имя духовного возрождения народа, за русскую культуру, генетически связанную с православием» [4, с. 185]. Эти свойства культуры

русского зарубежья имели свои преимущества и определяли её слабость перед монистической, организованной советской культурой, выражавшей интересы большинства.

Живя в своем мире, они пытались изолироваться от чужеродного окружения, сознательно стремились вести жизнь так, будто ничего не произошло. Конечно, эмигранты понимали, что являются апатридами и «патриотами без отечества». Но общность судьбы изгнанников вопреки общественным, политическим, экономическим и прочим различиям в прежней жизни, осознание общности происхождения, принадлежности к одному народу, одной культуре создали духовную основу всего Русского Зарубежья, особый мир без физических и юридических границ. В известном смысле он действительно был экстерриториальной «Зарубежной Россией».

Литература

1. Гиппиус, З.Н. Что делать русской эмиграции / З.Н. Гиппиус, К.Р. Кончаловский. — Париж, 1930.
2. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. — Петрозаводск. 1992.
3. Зайцев, Б.К. Слово о Родине / Б.К. Зайцев // Русская идея. — М., 1992.
4. Раев, М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919—1939 / М. Раев. — М. : Прогресс, 1994. — 296.
5. Большая Российская Энциклопедия «Россия». — М. : Большая рос. энциклоп. — 2004.
6. Россия. — 1928. — 7 августа.
7. Информационная газета, 30.IX.1933; Второе поколение. Прага, 6.VI.1931.
8. Сорокин, Питирим. Человек, цивилизация, общество / Питирим Сорокин. — М. : Прогресс, 1991.
9. Русский Дом. Телепередача от 8 июля 1997 года.
10. Степун, Ф.А. Пореволуционное сознание и задача эмигрантской литературы / Ф.А. Степун // Новый Град. — Париж. — № 10.
11. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970) / П.Е. Ковалевский. — Париж, 1971. — 347 с.
12. Бицилли, П.М. Трагедия русской культуры П.М. Бицилли // Современные записки. — Париж, 1933. — № 53.
13. Гоголь, Н.В. Соч. Т. 6. / Н.В. Гоголь. — М., 1967.
14. Струве, Н.А. Духовный опыт русской эмиграции // Н.А. Струве. Православие и культура / 2-е изд., испр. и доп. — М. : Русский путь, 2000.
15. Арсеньев, Н.С. О русской эмиграции (с 1920 по 1971 г.) и о духовном её служении / Н.С. Арсеньев // Русское Возрождение. Нью-Йорк ; Москва ; Париж. 1992—1993. — № 60—61.